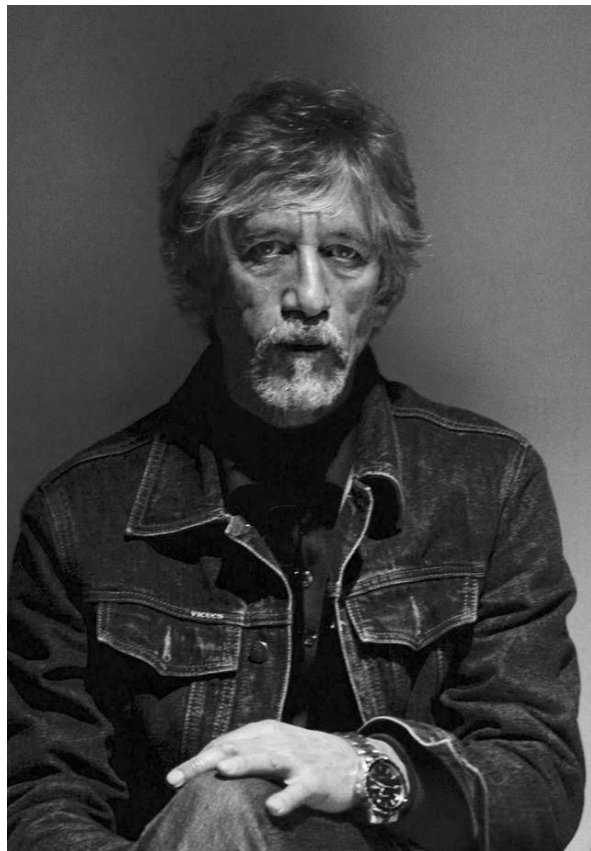

Владимир Борисович Аршанский

художественный руководитель театральной студии

Владимир Борисович Аршанский.
Художественный руководитель
театральной студии. 1989 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О СТУДИЙНОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ

ДМИТРИЯ МАРЬЯНОВА

Начало знакомства Дмитрия Марьянова с тем, что такое театр и работа на сцене, проходило в студийном театре. Тогда он назывался «Московский молодежный театр на Красной Пресне». У театра были свои студийные традиции. Например, «все делают все». То есть: «Ты молодой актер, но должен выполнять ту работу, которую в профессиональном театре делают отдельные обученные люди. Изготовление декораций, элементов реквизита, пошив костюмов, (это дело для девушек), постановка и разбор декораций, монтаж света, изготовление радио-фонограмм, проведение спектакля по всем службам. Все это делали члены труппы. И числились эти «члены труппы» не актерами, а педагогами студийных групп. Студийных групп было много. Кстати сказать, студийцы очень часто играли посильные возрастные роли в спектаклях труппы. Или в закулисном режиме помогали проводить спектакли, которые играли взрослые актеры.

Набор студийцев проходил предельно просто. Педагоги ходили по школам и делали объявления в классах. И в определенный день дети с родителями съезжались в здание театра для того, чтобы «попытать счастья». Надо сказать, желающих было достаточно, но брали не всех.

Театр находился недалеко от Консерватории на улице Станкевича. Дима Марьянов жил у метро «Сходненская». В его школе побывали педагоги с объявлением о новом наборе в театральную студию. Родители у Димы были люди, не имеющие отношения к театру. Но Диму на набор привезли. Студия, в которую по возрасту попал Дима, в тот момент из театра перебазировалась в общеобразовательную школу №123. Эта школа находилась рядом с театром и открыла свои двери для учеников и для занятий.

Уже буквально через три-четыре месяца Дима Марьянов играл свою первую в жизни роль Тома Сойера в одноименном спектакле. Трудно представить, но в спектакле в качестве актеров были только дети

не старше 11 — 12 лет. С детскими ролями они справлялись, что называется, «в живую», а взрослых персонажей играли они же, но с помощью кукол. Куклы были бесхитростные. Голова — раскрашенный под мордочку мячик. Мячик надет на палку. К палке поперек прикреплена еще одна палка. Это руки. На эту конструкцию надевается похожая одежда, и «тетя Полли» готова. В спектакле было задумано много «детского хулиганства». В первую очередь всевозможная «игра со зрителем». Например, «перетягивание каната». Зрители — против актеров-детей. Кстати, на этот спектакль официально продавались билеты. И отбоя от зрителя не было. Главными были, конечно, дети. Но приводили их родители. Второе «хулиганство» выглядело просто: Том и Гек прямо во время действия раздавали зрителям-детям «оружие и патроны». «Оружие» — трубочка. «Патроны» — горох. Дети-зрители с нескрываемым удовольствием «расстреливали» отрицательных персонажей. Но через пять секунд вдруг у всех актеров-детей тоже появлялись трубочки! И актеры тоже пуляли горохом в детей-зрителей. Ну, конечно же, потом поливали зрителей водой из «брызгалок» и так далее. Представьте, какое раздолье для такого «отвязанного» мальчика, как Дима Марьянов. После спектакля всегда — разбор полетов. Это старая традиция. Диме на этом разборе доставалась добрая дюжина замечаний.

Пример:

ПЕДАГОГ: «Дима, зачем ты дал мальчику в первом ряду не трубочку для гороха, а кусок водопроводной трубы?»

ДИМА: «А что такого?! Я ему и „патроны“ дал, какие надо!»

ПЕДАГОГ: «Какие патроны ты ему дал?»

ДИМА: «Мелкие камни! Около школы асфальт меняли. Я набрал щебенки. Помыл. Пусть ребенок с первого ряда попробует дунуть в кусок водопроводной трубы так, чтобы камень щебенки долетел до актеров. А горохом каждый дурак сможет».

Второй вариант. В спектакле была сцена Тома с Бекки Тэтчер. И там она ему, якобы, дает жвачку. После спектакля разбор.

ПЕДАГОГ: «Дима, почему так долго молчал в сцене с Бекки?»

ДИМА: «Я жевал».

ПЕДАГОГ: «А что тебе дала Наташа в качестве жвачки?»

ДИМА: «Кусок смятого хлеба, как вы и велели!»

ПЕДАГОГ: «Чего же ты так долго жевал?»

ДИМА: «Хлеб у Наташки успел зачерстветь! А с набитым ртом вы запретили разговаривать!»

На самом деле Наташка забыла положить в карман кусок смятого хлеба. В кармане оказался кусок ластика. Она и сунула его Диме. Но он партнершу не выдал. Он вообще никого никогда не выдавал.

У него день рождения был в один день с другим студийцем. Они тогда учились в девятом классе. И они, втайне от педагогов, решили после занятий зайти в магазин, купить бутылку сухого вина и отпраздновать двойной день рождения. Я оказался в магазине в тот момент, когда компания из пяти мальчиков стояла и размышляла, как быть. Мол, бутылку им не дадут в силу возраста. Они рассказали мне обо всем. Мол, купите нам, у нас повод серьезный. Я придумал простой трюк. Взял у них деньги, которые они еле наскребли, купил, что просили, и спрашиваю: «А где праздновать наметили у Димы или у Влада?». Они наивно признаются, мол, нет. Мы сами в парке... без родителей. Я говорю, нет. Так дело не пойдет. Поехали либо к Владу, либо к Диме. А там родители пусть решают. И вдруг дружинники. Это был примерно 1985 год. Они меня — под белы ручки и ведут в отделение. Ребята семят за нами. Я у дружинников спрашиваю, в чем дело. Дружинники поясняют: «Вы купили детям спиртное. Это штраф со всеми вытекающими последствиями. А Дима и говорит: «Это он не нам! Это он себе купил! Мы ни о чем его не просили! Просто

поинтересовались, какой у вас праздник». Дружинники посоветовались в сторонке и отпустили всю компанию восвояси.

Любопытно то, что, когда студийцы перешли в шестой класс, я учился на третьем курсе ГИТИСа. И автоматически те навыки, которые я приобретал в этюдном режиме института, переносил на студийцев. Мы делали с ними цирковой спектакль «Борьба за огонь» по произведению Рони Старшего. Представить это трудно. В спектакле использовались настоящие цирковые снаряды: подкидная доска, например. Это как весы. «Вася» становится на край доски, а двое прыгают на другой край. И «Вася», исполнив в воздухе сальто, приземляется на ноги. Дима летал выше всех. И довольно часто хохотал, что называется, в полете. Я спрашивал, чего он смеется. В спектакле смешного ничего не будет. Произведение о том, как у самых древних жителей Земли пропал огонь. Был и пропал. И вот они уходят от своих жилищ в поисках огня. А Дима в ответ: «Владимир Борисович, вы сами говорите, что всегда должна быть чистая правда! Как в жизни! А мне, когда лечу с доски, очень весело! Вот я и хохочу! Это все по правде!»

Сценическая правда — штука сложная. Очень часто бывает так, что актер находится рядом с правдой. Как будто бы делает вид, что действует и чувствует так, как должен действовать и чувствовать персонаж. А на самом деле ничего не чувствует. Только корчит действие и чувство. У Димы с этим аспектом было все в порядке. Никогда не корчил. Всегда чувствовал.

Студийцы учились в седьмом классе. Мы делали спектакль «Легенда об Осирисе». Там не было слов. Были песни и танцы. Осирис — Египетский Бог плодородия. Его возлюбленная — Исида. У них есть сын — Гор. Тут была сложность со всеми, кто не обладал приличным музыкальным слухом. У Димы достойного музыкального слуха не было. Он очень переживал. Но в этом спектакле было много сценических драк и просто пластических сцен. Диме пришлось играть Гора. На него и навалилась нагрузка всех драк. Спасением было только то, что остальные тоже ничего не говорили. Только пели и танцевали. Спектакль получился удивительно красочным и музыкальным.

Когда дети учились в восьмом классе, в мировую пластическую культуру ворвался «брэйк-данс». Дима летом снялся в фильме «Выше радуги» и привез нам эту странную тогда пластику. Исполнять подобные телодвижения и сейчас-то никто толком не может. У многих получается пародия. Смотреть стыдно. А Дима познакомил нас с ребятами-танцорами из школы студии «Хора Пятницкого». Они и снимались в кино «Выше радуги». Наши студийцы за несколько месяцев овладели «брэйк-дансом» на достаточно высоком уровне. Попутно мы делали все те актерские упражнения, которые предваряют работу над отрывками на третьем курсе. И в репертуаре студии появился спектакль «Доброй охоты». Диме досталась роль Маугли. Вот тут-то и пригодились те навыки, которые можно окрестить «актерской правдой».

Но у Димы был один природный изъян. Он мог легко дотянуться языком до носа. Язык был больше положенного размера. Он не помещался у него во рту. Это часто приводило к оговоркам. То есть он просто запутывался во фразе. Вот тогда началась каторжная работа. Представьте такое: в начале репетиционного периода он преподносил две-три оговорки в каждой сцене. А сцен у Маугли было очень много. Делали уйму упражнений, которые корректируют речь. И в конце года мы показали спектакль. У Димы — ни одной оговорки. Все чисто.

За спектакль пришлось повоевать. Были представители прессы, управления культуры. Отвоевали. И далее студийцы исправно играли «Доброй охоты» в течение полутора лет. Даже на гастроли с ним ездили. Продавались билеты. Состав у Димы не было. То есть в роли Маугли — один актер — Марьянов. На одном из спектаклей побывал Эльдар Рязанов. После этого Дима Марьянов и Наташа Щукина попали в фильм «Дорогая Елена Сергеевна».

В.Б. Аршанский